

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЛГПУ»)

Структурное подразделение Институт филологии и социальных коммуникаций

Кафедра теории и практики перевода

УТВЕРЖДАЮ

Директор института филологии и
социальных коммуникаций

Перетятая О.С.

« 15 » января 20 16 г.

Приложение к рабочей программе учебной дисциплины

ФОНД ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ

для проведения текущего контроля и промежуточной аттестации
обучающихся по дисциплине

Филологические проблемы перевода

По направлению подготовки – 45.04.02 Лингвистика

Программа магистратуры – Лингводидактика и межкультурное образование
(английский язык)

Квалификация выпускника – магистр

Форма обучения – очно-заочная

Курс – 2 (6 семестр)

Разработчик

доцент кафедры теории и практики
перевода Санченко Е.Н.

Заведующий кафедрой
теории и практики перевода

Харченко Л.И.

Протокол

от « 25 » декабря 20 15 г. № 5

Луганск, 2026

1. ПАСПОРТ ФОНДА ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ

1.1. Область применения

Фонд оценочных средств (ФОС) – неотъемлемая часть рабочей программы дисциплины «Филологические проблемы перевода» и предназначен для контроля и оценки образовательных достижений студентов, освоивших программу дисциплины.

1.2. Цели и задачи фонда оценочных средств

Цель ФОС – установить соответствие уровня подготовки обучающегося требованиям ФГОС ВО магистратура по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика, утвержденным приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 12 августа 2020 года № 992 (с изменениями и дополнениями) и Профессиональным стандартом, утвержденным Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» от 18 октября 2013 № 544н (с изменениями и дополнениями), «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» от 22 сентября 2021, № 652н.

1.3. Перечень компетенций, формируемых в процессе освоения основной образовательной программы

Процесс освоения дисциплины направлен на формирование следующих компетенций и индикаторов их достижения:

Код по ФГОС ВО	Индикатор достижения
Профессиональные	
ПК-4Способен выполнять научные исследования в сфере лингвистики, лингводидактики, теории перевода; работать с информационными источниками и анализировать теоретический и практический материал в соответствии с избранной сферой и целью научного исследования	ПК-4.1. Использует понятийный аппарат философии, теоретической и прикладной лингвистики, лингводидактики, теории перевода и межкультурной коммуникации для решения профессиональных задач. ПК-4.2 Применяет теоретические знания в области лингвистики, лингводидактики в целом и теории перевода в частности. ПК-4.3. Находит, анализирует и классифицирует информационные источники в соответствии со сферой научных исследований.

1.4. Этапы формирования компетенций и средства оценивания уровня их сформированности

Этапы формирования компетенций	Компетенции	Контрольно-оценочные средства / способ оценивания
--------------------------------	-------------	---

Тема 1. Перевод как область деятельности в профессиональной коммуникации филолога. Современные концепции переводоведения (Россия, Великобритания, США)	ПК-4	Устный опрос, выполнение практических заданий, работа с текстами
Тема 2. Практика перевода художественного текста: перевод прозы и поэзии	ПК-4	Устный опрос, выполнение практических заданий, работа с текстами
Тема 3. Современные концепции перевода (Франция, Германия, Скандинавия)	ПК-4	Устный опрос, выполнение практических заданий, работа с текстами
Текущая аттестация	ПК-4	Контрольная работа
Промежуточная аттестация	ПК-4	Экзамен

1.5. Описание показателей формирования компетенций

Код компетенции	Результаты сформированности
ПК-4	Знает: современные научные исследования в сфере лингвистики, лингводидактики, теории перевода; информационные источники; актуальные проблемы современной науки, методики и приемы экспертной оценки программ лингвистической направленности Умеет: выполнять научные исследования в сфере лингвистики, лингводидактики, теории перевода; работать с информационными источниками и анализировать теоретический и практический материал в соответствии с избранной сферой и целью научного исследования; анализировать результаты научных исследований и применять их при решении конкретных образовательных и исследовательских задач, осуществлять экспертную оценку программных продуктов лингвистического профиля Владеет: навыками выполнения научного исследования в сфере лингвистики, лингводидактики, теории перевода; работы с информационными источниками, анализа теоретического и практического материала в соответствии с избранной сферой и целью научного исследования; способностью формировать ресурсно-информационные базы для решения профессиональных задач, навыками и приемами экспертной оценки программ лингвистической направленности

1.6. Критерии оценивания компетенций на разных этапах их формирования

Вид учебной работы	Количество баллов		
	ОФО	О-ЗФО	ЗФО
Практические занятия	-	50	-
Контрольная работа	-	10	-
Самостоятельная работа студента (перевод текстов)	-	10	-
Экзамен	-	30	-

Всего	100
--------------	------------

Накопительная система оценивания по 100-балльной шкале

Четырех балльная система оценивания экзамена	100-балльная шкала	Буквенная шкала, соответствующая 100-балльной шкале	Система оценивания зачета
Отлично	90-100	А – отлично – теоретическое содержание курса освоено полностью, без пробелов; необходимые практические навыки работы с освоенным материалом сформированы; все предусмотренные программой обучения учебные задания выполнены, качество их выполнения оценено числом баллов, близким к максимальному	Зачтено
Хорошо	83-89	В – очень хорошо – теоретическое содержание курса освоено полностью, без пробелов; необходимые практические навыки работы с освоенным материалом в основном сформированы; все предусмотренные программой обучения учебные задания выполнены, качество выполнения большинства из них оценено числом баллов, близким к максимальному	
Хорошо	75-82	С – хорошо – теоретическое содержание курса освоено полностью; некоторые практические навыки работы с освоенным материалом сформированы недостаточно; все предусмотренные программой обучения учебные задания выполнены, качество выполнения ни одного из них не оценено минимальным числом баллов, некоторые виды заданий выполнены с ошибками	
Удовлетворительно	63-74	Д – удовлетворительно – теоретическое содержание курса освоено частично, но пробелы не носят существенного характера; необходимые практические навыки работы с освоенным материалом в основном сформированы; большинство предусмотренных программой обучения учебных заданий выполнено, некоторые из выполненных заданий содержат ошибки	
Удовлетворительно	50-62	Е – посредственно – теоретическое содержание курса освоено частично; некоторые практические навыки работы не сформированы, многие предусмотренные учебной программой обучения учебные задания не выполнены либо качество выполненных некоторых из них оценено числом баллов, близким к минимальному	
Неудовлетворительно	21-49	FX – неудовлетворительно – теоретическое содержание курса освоено частично; необходимые практические навыки работы с освоенным материалом не сформированы; большинство предусмотренных учебной программой обучения учебных заданий не выполнено либо качество их выполнения оценено числом баллов, близким к минимальному; при дополнительно самостоятельной работе над материалом курса возможно повышение качества выполнения учебных	Не зачтено

		заданий	
Неудовлетворительно	0-20	Е – неудовлетворительно – теоретическое содержание курса не освоено; необходимые практические навыки работы не сформированы; все выполненные учебные задания содержат грубые ошибки; дополнительная самостоятельная работа над материалом курса не приведет к какому-либо значимому повышению качества выполнения учебных заданий	

2. КОНТРОЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ СРЕДСТВА

2.1. Оценочные средства текущего контроля

Образец типового задания по дисциплине

Сопоставьте тексты оригинала и перевода с точки зрения переводческой прагматики. Выявите маркеры адаптации текста оригинала в переводном тексте.

L. Carroll. “Alice’s Adventures in Wonderland”

“Curiouser and curiouser,” cried Alice. She was so surprised that for the moment she quite forgot how to speak good English; “now I’m getting much bigger, like a very large telescope! Good-bye, feet!” for when she looked down at her feet, they seemed to be almost out of sight. “Oh my poor little feet, I wonder who will put on your shoes and stockings for you now? I shall be a great deal too far off to trouble myself about you, so you must manage the best way you can.”

“But I must be kind to them,” Alice thought, “or perhaps they won’t walk the way I want them to go! Let me see: I’ll give them a new pair of boots every Christmas”. And she went on planning how she would send the boots for a Christmas present to her own feet.

But at this moment her head struck against the roof of the hall, and she at once took up the little golden key and hurried off to the garden door. Poor Alice! It was as much as she could do, lying down on one side, to look through into the garden with one eye, but to get through was more hopeless than ever: so she sat down and began to cry again.

– Ой, все чудесится и чудесится! – закричала Алиса. (Она была в таком изумлении, что ей уже не хватало обыкновенных слов, и она начала придумывать свои.) – Теперь из меня получается не то что подозрная труба, а целый телескоп! Прощайте, пяточки! (Это она взглянула на свои ноги, а они были уже где-то далеко-далеко внизу, того гляди, совсем пропадут). Бедные вы мои ножки, кто же теперь будет надевать на вас чулочки и туфли... Я-то уж сама никак не сумею обуваться! Ну, это как раз неплохо! С глаз долой – из сердца вон! Раз вы так далеко ушли, заботьтесь о себе сами!.. Нет, – перебила она себя, – не надо с ними ссориться, а то они еще перестанут меня слушаться! Я вас все равно буду любить, – крикнула она, – а на елку буду вам всегда дарить новые

ботиночки!

– Господи, какую я чепуху болтаю! – воскликнула Алиса, и тут она здорово стукнулась головой об потолок – ведь что ни говори, в ней стало уже три с лишним метра росту! Тут она сразу вспомнила про золотой ключик, схватила его и помчалась к выходу в сад. Бедная Алиса! Даже когда она легла на пол, и то она еле-еле смогла поглядеть на садик одним глазком! И это было все, на что она могла теперь надеяться. О том, чтобы выйти в сад, нечего было и мечтать.

Перевод Б. Заходера

Образец текста для профессионально-ориентированного перевода на английский язык

ВИД ИЗ ОКНА

Мне было семнадцать лет, и мы жили на даче. В то лето все играли в бадминтон, с утра до вечера. Играли мои сестры, Сережа с соседней дачи и девочки-близнецы, гостившие у нас. А мама не выходила из дома, готовила на всех. Нет, выходила: картошку чистила на крыльце. Не помню, чтобы кто-нибудь ей помогал. Но как весело и безмятежно жили летом шестидесятого года, помню.

Сосед Сережа поступал в то лето в театральный институт. Все понимали, что с его фамилией в институт не поступить. Он и не поступил. В конце августа я встретила его у озера. Сережа сидел на обрыве и смотрел на другой берег озера, пустынный, нежилой. Там был полигон. Надо было подойти и сказать что-нибудь бодрое, фальшивое: «Привет, Сережа. Не унывай. На следующий год поступишь».

Сережа встал и глухим голосом сказал, что хочет на мне жениться, потому что любит меня. И мы уедем далеко. Я молчала. В голове пронеслось: почему нужно уезжать? И где мы будем жить? В домике путевого обходчика? Нам будет там тесно. А когда пойдут затяжные дожди, просто невыносимо.

– Ты мне ответь завтра, – сказал Сережа. – Приходи сюда в это же время.

Я повернулась и пошла к себе на дачу. В этот же день я уехала в Ленинград.

Я встретила Сережу первого сентября. Он ждал меня возле института. Я улыбнулась, но он не улыбнулся в ответ.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – спросил он.

– У тебя шнурок развязался и спина белая.

Он внимательно посмотрел на меня, и я увидела в его взгляде сожаление. Сережину удаляющуюся фигуру я не сохранила в памяти. Но мне хотелось, чтобы он опять приходил и ждал меня у факультета. А я хочу – замечу, хочу – сделаю вид, что не вижу его.

Только один раз я была в Сережиной квартире, зашла за книгой к его маме. Он уже не жил тут: ушел из дому и снимал комнату в коммуналке. Сережина мама – сигарета, кофе, Томас Манн на кресле-качалке – мне очень нравилась, хотя я не курила, не пила кофе и не любила Томаса Манна. Мое

развитие остановилось тогда на чае с сахаром, бубликах с маком и Лескове на сон грядущий. Мама говорила о сыне, как брошенная жена:

– Верю, что вернется, но звать не буду.

Сережина комната мало что говорила о ее хозяине: пустой стол, на полке одинокий том, «Образы Италии» и майонезная банка, наполненная копейками, – тогда все что-нибудь копили.

Окно комнаты выходило на слепую стену старого дома. На уровне четвертого этажа, как часто бывает в Ленинграде, светилось одинокое окно. Но оно не оживляло стену. Лучше бы его и не было совсем. Я подумала: он никогда не вернется сюда. Нет, вид из окна не был безнадежным: боковым зрением я различила тополь и скамейку под ним. Двор был обитаемым, можно было возвращаться.

После занятий в институте мы ходили всей группой через Дворцовый мост в метро и по дороге изображали преподавателей и злых деканатских теток.

Жизнь была бесконечной и обещала скорое счастье, надо было только накопить силы, чтобы удержать его, когда оно придет. Далеко впереди горели огни, но на их свет каждый шел своей дорогой.

Смотрю на фотографию первокурсниц: слева, черненькая, уедет в Америку и там процветет. В центре, некрасивая, сделает партийную карьеру и перестанет узнавать однокурсников, а та, что справа, – красавица с длинной косой, – покончит с собой от безответной любви.

Настал день, когда я обнаружила, что иду по Дворцовому мосту одна: все девчонки нашли женихов, кто разведенного, вероломного, кто бедного студента, инвалида с детства. Я запаниковала и быстро вышла замуж. Готова была ко всему, но оказалось, что самое страшное в семейной жизни – суббота и воскресенье. Вскоре муж отошел за кулисы жизни и там остался. За кулисами он чинил проводку, возился с реквизитом, курил в форточку. И даже иногда подавал реплики, но на сцену больше не вышел.

Приходили гости, защищались диссертации, погибали однокашники-альпинисты, всегда единственные сыновья. До меня доходили слухи, что Сережа к маме так и не вернулся: переехал в Москву и стал журналистом.

Далекие огни, так манившие в молодости, погасли, а новые не зажигались, и мне опять захотелось, чтобы Сережа ждал меня где-нибудь на перекрестке или на кольце трамвая. Или хотя бы позвонил и позвал уехать с ним, как тогда, у озера, и я бы согласилась.

Когда сослуживец узнал, что я еду в командировку в Швецию, он оживился:

– Так там же давно Сережка Клейн живет! Бывший журналист московский. Помнишь такого? Ваш сосед по даче. Пиши телефон, в гости зайдешь.

– Привет, старуха, – раздался в трубке Сережин голос. – Ждем тебя к ужину, жена будет рада.

Он жил на окраине города, в собственном доме. Прежде чем позвонить в дверь, я вынула из сумки подарок, неподъемный альбом «Церковная утварь в московских музеях».

Меня встретил красивый пожилой мужчина в вязаной кофте, с трубкой в руке.

– Ну, как тебе Швеция? В порядке? – спросил он насмешливо, примериваясь, куда бы положить «Церковную утварь», совершенно ему не нужную. – Да ты проходи ко мне.

На большом столе лежали стопки журналов и стояло блюдо яблок, не знакомых с червяком. По стенам кругом – книги и ноты, хотя музыкальных инструментов в комнате не было. На двери – чтобы забавлять гостей – карта ленинских мест Выборгского района Ленинграда.

Я подошла к окну и увидела пустынную, залитую светом улицу, такую тихую, что было слышно, как бьется сердце.

– Что ты увидела? – спросил Сережа. – Не на что там смотреть... Ты знаешь, я однажды позвонил домой, в свою старую коммуналку. Вспомнил, что прошло тридцать лет, как я там не живу, и позвонил. Попросил к телефону Сережу Клейна. Иван Матвеевич, – невероятно, он жив, – зашаркал по коридору. Я слышал, как он постучал в мою комнату, подождал, потом зашаркал назад и сказал мне в трубку: «Нет у них никого».

Я посмотрела на Сережу.

– Нет у них никого, – повторил он и помолчал немного. – Ладно, пошли в столовую. Гунилла ждет. За столом будем говорить по-английски.

Он погасил свет. Холодная улица за окном засияла еще сильнее. И это сияние не оставляло мне никакой надежды.

Наталия Толстая

Образец текста для профессионально-ориентированного перевода на русский язык

FORM IN LANGUAGE: GRAMMATICAL PROCESSES

The question of form in language presents itself under two aspects. Either we may consider the formal methods employed by a language, its “grammatical processes,” or we may ascertain the distribution of concepts with reference to formal expression. What are the formal patterns of the language? In addition, what types of concepts make up the content of these formal patterns? The two points of view are quite distinct. The English word unthinkingly is, broadly speaking, formally parallel to the word reformers, each being built up on a radical element, which may occur as an independent verb (think, form). This radical element being preceded by an element (un-, re-) that conveys a definite and fairly concrete significance but that cannot be used independently, and followed by two elements (-ing, -ly; -er, -s) that limit the application of the radical concept in a relational sense. This formal pattern—(b) + A + (c) + (d) one—is a characteristic feature of the language. A countless number of functions may be expressed by it; in other words, all the possible ideas conveyed by such prefixed and suffixed elements, while tending to fall into minor groups, do not necessarily form natural, functional systems. There is no logical reason, for instance, why the numeral function of -s should be formally expressed in a manner that is

analogous to the expression of the idea conveyed by -ly. It is perfectly conceivable that in another language the concept of manner (-ly) may be treated according to an entirely different pattern from that of plurality. The former might have to be expressed by an independent word (say, thus unthinking), the latter by a prefixed element (say, plural 2 -reform-er). There are, of course, an unlimited number of other possibilities. Even within the confines of English alone, the relative independence of form and function can be made obvious. Thus, the negative idea conveyed by un- can be just as adequately expressed by a suffixed element (-less) in such a word as thoughtlessly. Such a twofold formal expression of the negative function would be inconceivable in certain languages, say Eskimo, where a suffixed element would alone be possible. Again, the plural notion conveyed by the -s of reformers is just as definitely expressed in the word geese, where an utterly distinct method is employed. Furthermore, the principle of vocalic change (goose—geese) is by no means confined to the expression of the idea of plurality; it may also function as an indicator of difference of time (e.g., sing—sang, throw—threw). But the expression in English of past time is not by any means always bound up with a change of vowel. In the great majority of cases, the same idea is expressed by means of a distinct suffix (die-d, work-ed). Functionally, died and sang are analogous; so are reformers and geese. Formally, we must arrange these words quite otherwise. Both die-d and re-form-er-s employ the method of suffixing grammatical elements; both sang and geese have grammatical form by virtue of the fact that their vowels differ from the vowels of other words with which they are closely related in form and meaning (goose; sing, sung).

Every language possesses one or more formal methods for indicating the relation of a secondary concept to the main concept of the radical element. Some of these grammatical processes, like suffixing, are exceedingly widespread; others, like vocalic change, are less common but far from rare; still others, like accent and consonantal change, are somewhat exceptional as functional processes. Not all languages are as irregular as English in the assignment of functions to its stock of grammatical processes. As a rule, such basic concepts as those of plurality and time are rendered by means of one or other method alone, but the rule has so many exceptions that we cannot safely lay it down as a principle. Wherever we go we are impressed by the fact that pattern is one thing, the utilization of pattern quite another. A few further examples of the multiple expression of identical functions in other languages than English may help to make still more vivid this idea of the relative independence of form and function.

In Hebrew, as in other Semitic languages, three, less often by two or four, characteristic consonants, as such expresses the verbal idea. Thus, the group sh-m-r expresses the idea of “guarding,” the group g-n-b that of “stealing,” n-t-n that of “giving.” Naturally, these consonantal sequences are merely abstracted from the actual forms. The consonants are held together in different forms by characteristic vowels that vary according to the idea that it is desired to express. Prefixed and suffixed elements are also frequently used. The method of internal vocalic change is exemplified in shamar “he has guarded,” shomer “guarding,” shamur “being guarded,” shmor “(to) guard.” Analogously, ganab “he has stolen,” goneb “stealing,”

ganub “being stolen,” gnob “(to) steal.” But not all infinitives are formed according to the type of shmor and gnob or of other types of internal vowel change. Certain verbs suffix a t-element for the infinitive, e.g., ten-eth “to give,” heyoth “to be.” Again, the pronominal ideas may be expressed by independent words (e.g., anoki “I”), by prefixed elements (e.g., e-shmor “I shall guard”), or by suffixed elements (e.g., shamar-ti “I have guarded”). In Nass, an Indian language of British Columbia, plurals are formed by four distinct methods. Most nouns (and verbs) are reduplicated in the plural, that is, part of the radical element is repeated, e.g., gyat “person,” gyigyat “people.” A second method is the use of certain characteristic prefixes, e.g., an’on “hand,” ka-an’on “hands”; wai “one paddles,” lu-wai “several paddle.” Still other plurals are formed by means of internal vowel change, e.g., gwula “cloak,” gwila “cloaks.” Finally, a fourth class of plurals is constituted by such nouns as suffix a grammatical element, e.g., waky “brother,” wakykw “brothers.”

From such groups of examples as these—and they might be multiplied ad nauseam—we cannot but conclude that linguistic form may and should be studied as types of patterning, apart from the associated functions. We are the more justified in this procedure as all languages evince a curious instinct for the development of one or more particular grammatical processes at the expense of others, tending always to lose sight of any explicit functional value that the process may have had in the first instance, delighting, it would seem, in the sheer play of its means of expression. It does not matter that in such a case as the English goose—geese, foul—defile, sing—sang—sung we can prove that we are dealing with historically distinct processes, that the vocalic alternation of sing and sang, for instance, is centuries older as a specific type of grammatical process than the outwardly parallel one of goose and geese. It remains true that there is (or was) an inherent tendency in English, at the time such forms as geese came into being, for the utilization of vocalic change as a significant linguistic method. Failing the precedent set by such already existing types of vocalic alternation as sing—sang—sung, it is highly doubtful if the detailed conditions that brought about the evolution of forms like teeth and geese from tooth and goose would have been potent enough to allow the native linguistic feeling to win through to an acceptance of these new types of plural formation as psychologically possible. This feeling for form as such, freely expanding along predetermined lines and greatly inhibited in certain directions by the lack of controlling types of patterning, should be more clearly understood than it seems to be. A general survey of many diverse types of languages is needed to give us the proper perspective on this point. We saw in the preceding chapter that every language has an inner phonetic system of definite pattern. We now learn that it has also a definite feeling for patterning on the level of grammatical formation. Both of these submerged and powerfully controlling impulses to definite form operate as such, regardless of the need for expressing particular concepts or of giving consistent external shape to particular groups of concepts. It goes without saying that these impulses can find realization only in concrete functional expression. We must say something to be able to say it in a certain manner.

2.2. Оценочные средства для промежуточной аттестации

Вопросы к экзамену

1. Прагматика перевода как раздел лингвистики перевода.
2. Основные понятия профессиональной коммуникации филолога.
3. Понятие перевода как области деятельности в профессиональной филологической коммуникации.
4. Основные принципы перевода прозаических текстов с английского языка на русский.
5. Основные принципы перевода прозаических текстов с русского на английский.
6. Понятие художественного текста.
7. Цель создания художественного текста.
8. Какие задачи приходится решать переводчику художественной литературы?
9. Какими приемами перевода необходимо пользоваться для достижения эквивалентности в переводе?
10. Чем творчество писателя / поэта отличается от труда переводчика?
11. Трудности перевода художественной прозы.
12. Какие требования предъявляются к переводчику художественного текста?
13. Основные принципы перевода поэтических текстов с английского языка на русский.
14. Основные принципы перевода поэтических текстов с русского на английский.
15. Понятие поэтического текста.
16. Основные аспекты поэтического текста.
17. Суть независимого перевода поэзии.
18. Суть подчинённого перевода поэзии.
19. Понятие фольклорного текста.
20. Что включают в себя фольклорные мнемонические формулы?
21. Понятие мнемонической формулы.
22. Основные принципы перевода фольклорных текстов (сказка) с английского языка на русский.
23. Основные принципы перевода фольклорных текстов (сказка) с русского на английский.
24. Основные принципы перевода фольклорных текстов (пословица) с английского языка на русский.
25. Основные принципы перевода фольклорных текстов (пословица) с русского на английский.
26. Основные принципы перевода текстов драматических произведений современных авторов с английского языка на русский.
27. Основные принципы перевода текстов драматических произведений современных авторов с русского на английский.
28. Прагматический потенциал текста и его воспроизведение при переводе.
29. Прагматическая адаптация текста при переводе.
30. Модернизация текста в переводе.

31. Архаизация текста в переводе.
32. Признаки художественного повествования в переводе.
33. Типы нарратива в переводе.
34. Повествователь в нарративе переводных текстов.
35. Адресат в нарративе переводных текстов.
36. Лингвоаксиология как раздел теории языка.
37. Аксиологические стратегии при интерпретации текста оригинала.
38. Аксиологические стратегии при порождении текста перевода.
39. Аксиологические макростратегии, используемые при переводе: адаптация.
40. Аксиологические макростратегии, используемые при переводе: остранение.
41. Аксиологические макростратегии, используемые при переводе: архаизация.
42. Аксиологические макростратегии, используемые при переводе: модернизация.
43. Аксиологические макростратегии, используемые при переводе: стилизация текста.
44. Предмет изучения лингвоперсонологии.
45. Объект изучения лингвоперсонологии.
46. Типы языковых личностей.
47. Лингвоперсонологический подход в теории межкультурной коммуникации и в теории перевода.
48. Современные концепции теории и практики перевода в России: В.Н. Комиссаров.
49. Современные концепции теории и практики перевода в России: В.Н. Крупнов.
50. Современные концепции теории и практики перевода в России: Т.А. Казакова.
51. Современные концепции теории и практики перевода в России: В.В. Алимов.
52. Современные концепции теории и практики перевода в Великобритании: Т. Сэвори.
53. Современные концепции теории и практики перевода в Великобритании: М. Хэллидей.
54. Современные концепции теории и практики перевода в Великобритании: М. Снелл-Хорнби.
55. Современные концепции теории и практики перевода в США: Ю. Найда.
56. Современные концепции теории и практики перевода в США: С. Басснетт-Макгайр.
57. Современные концепции теории и практики перевода во Франции: Ж. Мунэн.
58. Современные концепции теории и практики перевода во Франции: Д. Селескович.
59. Современные концепции теории и практики перевода во Франции: М. Ледерер.
60. Современные концепции теории и практики перевода в Германии: О. Каде.

61. Современные концепции теории и практики перевода в Германии: А. Нойберт.
62. Современные концепции теории и практики перевода в Германии: Г. Егер.
63. Современные концепции теории и практики перевода в Скандинавии: Ю. Хольц-Мянттяри.
64. Современные концепции теории и практики перевода в Скандинавии: Т. Пууртинен.
65. Современные концепции теории и практики перевода в Болгарии: А. Лилова.
66. Современные концепции теории и практики перевода в Болгарии: А. Людсканов.
67. Современные концепции теории и практики перевода в Латинской Америке: Э.Р. Перес Виейра.
68. Переводоведение в Китае.
69. Переводоведение в Японии.
70. Переводоведение в Бразилии.